

Карим Назыров, Олег Ярёмченко

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ
СУБЪЕКТНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ**

Систематизируется противоречивое содержание причинно-следственных связей между рыночной свободой субъектов и институциональным обогащением хозяйственных систем в процессе глобальных трансформаций. Рассматривается влияние институциональных условий хозяйствования на становление субъектного потенциала хозяйственной системы трансформационного типа. Показываются основные уровни субъектности в экономике и их связь с функционированием рыночных механизмов, являющихся основанием эффективного распределения общественных рисков между государством, предприятиями и домохозяйствами. Обосновываются меры по активизации использования субъектного потенциала экономики Украины: повышение качества общественных благ, предлагаемых государством, стимулирование развития малого и среднего бизнеса, защита национального производителя и всяческое развитие внутреннего рынка.

Ключевые слова: институты, национальная конкурентоспособность, субъект, свобода и ответственность, рациональный выбор, распределение рисков.

JEL: A100; D810.

Недостаточный уровень конкурентоспособности экономики Украины во многом обусловлен низкой плотностью институциональной среды, отсталостью технологической базы, недоработками менеджмента предприятий и корпораций, чрезмерным участием государства в функционировании хозяйственной системы. В значительной мере эти проблемы связаны с неполным использованием потенциала субъектов рыночной экономики, сформированного в стране за 20 лет рыночных реформ. Активизация институциональных механизмов свободы и ответственности субъектов хозяйственной системы способна внести весомый вклад в обеспечение роста национальной конкурентоспособности.

Ещё в 30-е годы прошлого века Дж.Коммонс обратил внимание на неоднозначное влияние институтов на экономическое поведение хозяйствующих субъектов¹. Если человек полностью выполняет предписания институциональных норм, он не может рассматриваться как свободный субъект, который обязан нести ответственность за последствия своего поведения. Свободный выбор и соблюдение институциональных норм в определённом смысле исключают друг друга. Таким образом, можно прийти к парадоксальному выводу: сфера экономических институтов не

Назыров Карим Зарифович, аспирант Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина.

Ярёмченко Олег Леонидович (ec-teor@ief.org.ua), д-р экон. наук, отдел экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

¹ *Коммонс Дж.Р.* Институциональная экономикс. Институциональная экономическая теория: История и методология институциональной мысли // http://www.institutional.boom.ru/history_metod/Commons.htm.

является экономикой рационального выбора и поэтому не подчиняется действию законов конкуренции и равновесных цен. Хотя в действительности именно отсутствие чётких правил и ограничений порождает своеволие и безответственность участников хозяйственной системы.

Проблема соотношения рыночной ответственности и институциональной дисциплины обостряется в условиях фундаментальных поведенческих сдвигов, когда неопределённость поведения приобретает угрожающие масштабы, особенно в странах, не завершивших рыночные трансформации. Различные аспекты вопроса о роли персонального выбора, риска и ответственности в функционировании и развитии трансформационных хозяйственных систем в последнее время рассматривались в работах У.Бека (2000), М.Делягина (2009), Л.Саммерса², Т.Унковской (2013). Экономическая свобода и её эффективность, социальная ответственность государства и корпораций, роль рисков и неопределённости в развитии современных национальных экономик, глобализация и деглобализация – все эти вопросы невозможно ни поставить, ни понять правильно, игнорируя место и роль субъектной составляющей.

В данной статье предложена систематизация противоречивого содержания причинно-следственных связей между рыночной свободой субъектов и институциональным обогащением хозяйственных систем в условиях глобальных трансформаций.

Субъекты – это своеобразные элементарные частицы экономической вселенной. Как современная физическая наука исходит из фундаментального единства микро- и мегамира, доказывая принципиальную зависимость устройства вселенной от устройства и свойств элементарных частиц материи и их составляющих, так и экономическая теория может попытаться найти собственные основания фундаментального единства субъекта хозяйствования и хозяйственной системы для получения видения развития экономики как развёртывания сущностных сил человека, его ценностей.

Субъекту характерны свойства сохранения, воспроизводства и развития своей идентичности. По большому счёту, именно это является главным содержанием и мотивом его жизнедеятельности. В свою очередь, это – одна из предпосылок сохранения и развития общественной идентичности в процессе эволюции, сопровождаемой структурными, технологическими и институциональными сдвигами. Если инновационные процессы для субъекта являются пространством углубления и обогащения его идентичности, то нет необходимости принуждать его к инновациям, или, по известной советской формуле, "внедрять инновации в производство". Высокая инновационность, адаптивность и гибкость хозяйственной системы является не прямым, но надёжным показателем достаточного уровня её субъектности.

В экономике существует несколько основных уровней субъектности. *Нулевой уровень* отвечает непосредственному подчинению повседневного поведения человека ценностным требованиям. Такое поведение свойственно монахам, священнослужителям, разного рода особым людям "не от мира сего". Их общественная миссия связана с трансляцией социального наследия, общественного "завещания". Участие таких субъектов в общественной экономике минимально и связано с неформальными институтами, такими как институт натурального хозяйства, институт благотворительности, сетевые механизмы взаимопомощи. Добавим, что человек, который вообще не способен выполнять простейшие ценностные требования или ограничения общества, не может быть его членом, то есть является изгоем.

² Саммерс Л. О неравенстве // <http://elitetrader.ru/index.php?newsid=203070>.

Следующий, *первый уровень* субъектности (включает в "снятом" виде нулевой уровень) основывается на точном воспроизведении в потребительских или производственных решениях субъекта институциональных предписаний, формальных и неформальных. Российский учёный Г.Клейнер такую модель поведения назвал "человек институциональный". Уровень личной ответственности этого субъекта ограничивается узким полем дозволенной вариабельности институционального поведения. Отметим, что институциональное поведение – это поведение трудовое. С одной стороны, оно консервативно, а с другой – представляет собой непосредственное практическое воплощение институтов в повседневную жизнедеятельность многих людей. Субъекты первого уровня подчиняются бюджетным ограничениям. Это значит, что актуальным институтом включения в хозяйственную систему является институт жёстких бюджетных ограничений.

В то же время минимальные риски хозяйственного поведения на этом уровне могут смениться весьма существенными рисками в случае попадания системы в зону повышенной неопределённости, в институциональные ловушки или в ситуацию институциональных сдвигов. Простого соблюдения институциональных предписаний уже не достаточно для гарантированного доступа к потребительским ресурсам в пределах имеющегося бюджета. В этом случае институт социальных гарантий даёт возможность удержать в институциональном поле тех субъектов, которые потеряли непосредственную связь между институциональным поведением и доступом к потребительским ресурсам.

Второй уровень субъектности определяется таким атрибутом, как рациональный выбор и равновесные цены (в том числе равновесная заработная плата). Уровень личной свободы выбора и ответственности за его последствия поднимается на целый исторический этап. В результате для субъекта расширяется доступ к общественным ресурсам. Ценовая свобода субъектов повышает способность системы к целостному поведению.

Если цены теряют свойство равновесности, снижается общественно-экономический статус рационального выбора и возникает иллюзия неэффективности его как такового. Вместо восстановления необходимой субъектности появляется тенденция к компенсации свободы хозяйственной деятельности усилением государственного вмешательства в экономику. Общая сумма неопределённости растёт, хотя по формальным признакам система переходит в режим максимального регулирования. Примером тяжёлой макроэкономической и институциональной деструкции под влиянием отказа от равновесных цен могут служить последствия решения в августе 1971 года Президента США Р.Никсона о замораживании цен и заработной платы на 90 дней (в соответствии с законом об экономической стабилизации 1970 года). В течение трёх лет происходила адаптация и коррекция системы контроля за ценами и заработной платой. Это породило массовые перекосы между производством и потреблением, многие неожиданные проблемы в самой системе государственного контроля и регулирования и, в конечном итоге, вызвало углубление кризисных явлений³.

Скрытым условием рационального выбора является его минимальная или нулевая конфликтность с институциональными требованиями и запретами. В случае конфликта субъекта с институциональными предписаниями (поведение отклоняется от коридора среднего разброса типичного поведения) вероятность получения желаемого результата снижается на такую величину, что субъект вынужден учитывать её в процессе выбо-

³ См.: Энциклопедия банковского дела и финансов // Политика доходов // <http://www.cofe.ru/finance/russian/15/197.HTM>.

ра. В то же время институциональная среда должна быть более-менее стабильной, иначе она сама становится источником неопределённости.

Третий уровень субъектности связан с осознанным принятием риска, когда субъекту не хватает времени или информации, чтобы сделать рациональный выбор по обычной процедуре. Компенсируется дефицит времени и информации для принятия решений за счёт креативного или профессионального ресурса. Устойчивый риск является одним из главных стимулов профессионализации деятельности субъектов в условиях рынка, развития методов и инструментов профессионального менеджмента. Угнетение или укрывательство факторов риска для субъектов оборачивается снижением социального статуса профессиональности.

Предпосылкой рискового поведения по отдельным направлениям деятельности является возможность рационального выбора с учётом тех условий и ресурсов, которые поддаются оценке и моделированию в привычных координатах максимизации полезности использования имеющихся ресурсов. Расширение доступа к общественным ресурсам и более высокая степень свободы обусловлены тем, что рискующий субъект учитывает более широкий круг альтернатив, беря при этом на себя полную ответственность за последствия своего риска.

Следующий, *четвёртый, уровень* субъектности в экономике – уровень новатора как сознательного субъекта изменений любого рода – технологических, рыночных, институциональных. Позиция такого субъекта является максимально конфликтной и рискованной, но в случае выигрыша он претендует на максимальный (иногда монопольный) доход от своей инновации.

В то же время субъектное измерение системы не является абсолютным и неограниченным. Субъектность хозяйственной системы ограничена фундаментальной внешней и внутренней неопределённостью, с которой она всегда граничит в пространстве и времени. Именно из сферы пересечения системы с её имманентным пределом неопределённости и исходят фундаментальные (несистемные) новации, в возникновении которых важную роль играют случайные события и процессы. Однако эти инновации – всего лишь один из эффектов присутствия неопределённости в функционировании любых хозяйственных систем. Нельзя забывать об опасных импульсах разрушений, которые всегда способна генерировать сфера энтропийных процессов. В той мере, в какой по разным причинам сжимается субъектное измерение хозяйственной системы, неопределённость начинает играть роль источника импульсов разрушений. Только восстановление оптимальной субъектности системы может перебороть эту тенденцию.

В условиях достаточной финансовой глубины экономики одним из дополнительных уровней свободы и рисков субъекта является возможность преодоления разрывов в денежных потоках за счёт кредита. Без развитой системы взаимных кредитов и долгов субъектов динамичное равновесие в рыночной экономике невозможно. Кредит – обязательное условие эффективного распределения и использования ресурсов при сформированной системе специализации и кооперации, а также институциональной структуре индустриальной экономики.

С развитием индустриальной системы нормальное функционирование в условиях денежных разрывов становится доступным для широкого круга взаимозависимых субъектов, в том числе для государства, домохозяйств и финансовых корпораций. Принципы эквивалентного обмена и жёстких бюджетных ограничений в условиях кредита не отменяются, а усложняются и конкретизируются в соответствии с технологическими и институциональными реалиями. Непрямыми критериями равновесного уровня кредита являются, с одной стороны, макроэкономические показатели инвестиций, занятости, инфляции и темпов роста ВВП, с другой – динамичная стабильность социально-институциональной структуры, кото-

рая обеспечивает эффективность экономической власти, необходимую степень доверия и адаптивности субъектов, их способность эффективно приспосабливаться к колебаниям конъюнктуры и денежных потоков.

Иногда для субъекта долг является не только источником покрытия временных разрывов в денежных потоках, но и "рефлекторным" средством преодоления своей функциональной и институциональной несостоятельности. Причинами такой несостоятельности могут быть низкая конкурентоспособность, отставание от тенденций институциональных изменений (сдвигов), системные управленческие ошибки и т. д. За счёт долга субъект может либо выиграть время для смягчения или преодоления действия указанных причин, либо вообще отложить на будущее дополнительные расходы и потери, формально сохраняя существующий уровень равновесия и доходов. Это в равной степени относится как к отдельным хозяйствующим субъектам, с помощью бесконечного перекредитования откладывающим банкротство, так и к государству, финансирующему социальные расходы за счёт увеличения государственного долга.

Зададимся вопросом: можно ли считать такого субъекта способным к рациональному поведению на длительных интервалах, нацеленному на сохранение и развитие его идентичности? Что происходит внутри системы, в которой субъекты получают возможность откладывать реализацию рисков на будущее за счёт роста задолженности?

Как отмечалось выше, системным смыслом наличия субъектной составляющей в хозяйственных системах является распределение рисков и снятие неопределённости функционирования и развития систем на долгосрочных интервалах. Часть системной неопределённости переводится на автономных субъектов, действующих исходя из своих оценок риска и представлений об имеющихся ресурсах и собственной полезности. Функционирование и безопасность отдельных субъектов не является непосредственной задачей системы, она существенно снижает общую неопределённость, концентрируясь на проблемах, которые не способны решить субъекты. Такие системы способны эффективно функционировать и развиваться в условиях высокой неопределённости и существенных изменений, что может быть охарактеризовано как *запас изменчивости*. Надёжные субъектные основания общества и экономики относятся к одному из главных факторов стабильности на долгосрочных интервалах.

Слабость теоретических позиций критики так называемого рыночного фундаментализма заключается в том, что не берётся во внимание вопрос об институциональном распределении рисков и ответственности как естественного механизма стабильности сложных систем. Мечта Нерона об одной голове у народа, которую можно разом отрубить, может в конечном итоге осуществиться в виде мирового правительства, управляющего с помощью суперсервера, который ждёт своего Нерона.

Основным недостатком трансформационной экономики Украины является узость её субъектного базиса. Неопределённость и риски сконцентрированы в небольшом количестве мегасубъектов, таких как государство и финансово-промышленные группы. Другие участники не имеют настоящей свободы выбора и потому не могут в полной мере осознанно выбирать приемлемый для них уровень неопределённости и риска их жизнедеятельности. Уровень риска навязывается им другими субъектами. Осложняющим обстоятельством является переплетение олигархических и государственных институтов, что ведёт к ещё большей концентрации национальных рисков и ограничению пространства возможных решений государства. Об опасности такой модели свидетельствует неопределённость в выборе интеграционного направления, которая в 2014 году привела к самому серьёзному кризису за все годы существования независимого государства.

Для экономики Украины в условиях аномально высокой внешней и внутренней неопределённости шансом может быть значительное расширение её субъектных оснований, что позволит декомпозиционировать системные риски и неопределённость и превратить их в диверсифицированную совокупность рисков отдельных субъектов и их групп. Развитие малого и среднего бизнеса и установление институтов гражданского общества будут не только снижать неопределённость социально-экономического характера, но и создавать дополнительные измерения свободы в принятии стратегических решений на основе первичности национальных интересов с учётом противоречивых условий глобальной интеграции и нивелированием геополитических влияний.

С такой точки зрения чрезмерная долговая зависимость, как минимум, не способствует углублению субъектного измерения. Позитивная свобода должника постоянно сужается. Долг, если он не используется на преодоление проблем, его повлекших, приводит к ограничению субъекта в выборе узким полем погашения или возобновления долговых обязательств. Из сферы подконтрольных процессов выпадают денежные потоки, уровень ликвидности и платёжеспособности. Насколько снижается свобода выбора, настолько же снижается и фактическая ответственность. Постепенно выбор субъекта становится все менее рациональным с позиций сохранения или повышения уровня равновесия во внешней среде, восстановления и развития его идентичности.

Такой субъект должен чётко понимать, что он безвозвратно может встать на путь функциональной, финансовой и институциональной деградации и потерять принципиально важные качества субъекта как такового. Если он теряет свободу выбора, угрозы его существованию начинают возрастать, иногда до катастрофического уровня. При определённых условиях кредиторы могут стать не заинтересованными в существовании такого должника как финансовой "чёрной дыры" и прибегнуть к мерам его полного переформатирования (банкротство, дефолт, внешнее управление).

Функциональные потери субъекта, "подсевшего на долговую иглу", выражаются в формальных или неформальных обязательствах не участвовать в конкуренции на тех рыночных сегментах, которые прямо или косвенно важны для кредитора; обязательствах учитывать интересы кредитора в рыночных решениях о продажах и закупках (так называемые связанные кредиты); во включении на невыгодных условиях в технологические, финансовые или рыночные цепочки (сети), в которых заинтересован кредитор; ограничении стратегии развития исключительно целями повышения возможностей погашения долга, отказе от инвестиционных рисков, в которых кредитор не заинтересован.

Такая зависимость не исключает, что некоторые условия могут быть выгодными для должника, но критерием их принятия является интерес кредитора. Это порождает системные сдвиги в менеджменте, в полномочиях и ответственности подразделений, в процедурах принятия решений. Если говорить обобщённо, критериями принятия решений становятся не только оценки доходности и риска и равновесные рыночные цены, но и формальные и неформальные условия получения и обслуживания кредита. На определённом уровне долга кредитные условия как критерий решений начинают по значимости преобладать над критерием равновесных цен. Должник превращается из самодостаточного субъекта на инструмент достижения целей кредитора.

Десубъективацию может повлечь и ценностная деструкция, иногда свойственная хроническим должникам. Как свидетельствуют социологические исследования, хронические должники чаще склонны к девиантному экономическому поведению. Для них честность и добросовестность под давлением кредитных требований приобретают слишком высокую альтернативную стоимость, поэтому отказ от них в интересах оппортуни-

стических практик выглядит в их глазах как поведение рациональное. Попытка любой ценой получить новый кредит толкает их на путь прямого обмана, что требует от кредитора дополнительных мер по обеспечению возврата кредита. Неслучайно, что в условиях кризиса активизировалась такая давняя финансовая институция, как ломбард, а также скрытое ростовщичество (например, популярная ростовщическая схема "деньги до зарплаты"). Таким образом в экономике формируется особая сфера кредитно-долговых связей с низким уровнем доверия, в которой оказывается не нужной значительная часть современных институтов. Функция этой системы заключается в обслуживании постепенной социально-экономической деградации субъектов, которые освобождают экономическое пространство для более энергичных и консолидированных субъектов, например, мигрантов.

Разумеется, если субъект хозяйственной деятельности имеет достаточные корпоративные профессиональные, структурные, технологические и финансовые ресурсы или сохраняет реальные альтернативы, он может сойти с траектории долговой деградации за счёт реструктуризации бизнеса, направленной, прежде всего, на восстановление реальной свободы выбора на принципах первичности собственных текущих и долгосрочных интересов. Такая реструктуризация предполагает восстановление контроля за денежными потоками при условии осознания неизбежных потерь. Выбор такого пути означает повышение конфликтности и рисков менеджмента, усиливающее неопределённость внутренней среды. Восстановление субъектности может начаться с реструктуризации топ-менеджмента, целью которой будет обеспечение соответствия между сложностью и динамичностью среды, с одной стороны, и профессиональными способностями и уровнем ответственности менеджеров – с другой.

В случае деструкции субъектных механизмов стихийной интеграции и координации возникают существенные сбои в функционировании экономических институтов, приспособленных к снятию лишь базовой неопределённости хозяйственных систем. Государство, интуитивно чувствуя серьёзную опасность концентрации рисков, попытается компенсировать угасающие субъектные основания экономики искусственным образом – с помощью активизации административных инструментов, финансовых льгот, облегчения условий доступа к ликвидности для коммерческих банков, чтобы стимулировать их кредитную активность в реальном секторе. Это напоминает замкнутый круг, поскольку именно кредитная экспансия способствует десубъективации хозяйственной системы. Таким образом, экономика попадает в кредитную ловушку.

О том, что это действительно ловушка, свидетельствуют принципиальные сложности с выходом из кризиса после 2008–2009 годов. Меры количественного смягчения (программы QE (quantitative easing), к которым начиная с 2009 года прибегала Федеральная резервная система США (ФРС), приводили в сфере занятости совершенно не к тем результатам, на которые рассчитывали. Несколько лет подряд безработица в США оставалась на недопустимо высоком уровне. Поэтому иногда эти программы сравнивают со стадией диабетической болезни, когда организм теряет чувствительность к инсулину. Так же экономика теряет чувствительность к увеличению ликвидности и удешевлению кредитов. Это разрушительным образом влияет на трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики.

В конце 2013 года ФРС обнародовала экономический прогноз, согласно которому в течение трёх лет в Америке восстановится рынок труда и безработица упадёт до 5,5%. Ставка по федеральным фондам до конца 2016 года составит 2%, или ноль в реальном выражении. Нулевая стоимость денег отражает принципиальные отличия нынешней ситуации. В предыдущие десятилетия, когда безработица была на низком уровне,

ставка в реальном выражении варьировалась от 1% до 5%, отмечает британский журнал "The Economist"⁴.

Некоторые из обусловивших эту ситуацию причин имеют функциональный характер – как следствие макроэкономической разбалансированности, которая накапливалась в экономике и на финансовых рынках годами. К ним можно отнести избыток сбережений в мировой экономике, который сформировался, прежде всего, за счёт стран с развивающимися рынками. "Goldman Sachs" подсчитал, что доля населения (35–69 лет), имеющая сбережения в развивающихся странах, увеличивается, но достигнет своего пика не ранее 2032 года⁵.

Нельзя не отметить устойчиво низкий уровень инвестиционного спроса, которому соответствует низкий спрос на кредитные ресурсы. Низкая стоимость денег, порой достигающая отрицательных значений, – обратная сторона деструкции субъектных оснований экономики. Если представить иерархию субъектов, начиная снизу: потребитель – производитель – инвестор – новатор, то станет понятно, что кредитная ловушка в экономике захватывает в первую очередь два центральных звена – инвестора и производителя. Потребитель может некоторое время реализовывать свою субъектность в превращённой форме сбережений (хотя относительная привлекательность сбережений постоянно снижается), а новатор – в форме сверхдохода. Однако оба субъекта не в состоянии должным образом загрузить систему экономических институтов, поэтому значительная часть последних остаётся невостребованной. Институты, которые не используются, подвергаются "эрозии", забываются. Само по себе это как бы и не угрожает институциональному равновесию, но ситуация усложняется таким явлением, как комплементарность экономических институтов.

Примером институциональной комплементарности могут служить два базовых целевых правила рыночной системы: правило эквивалентного обмена и правило жёстких бюджетных ограничений. Если им следует большинство субъектов, то рыночные спрос, предложение и цены в конечном итоге действуют в одном направлении – эффективного распределения и использования ограниченных ресурсов. Если же хотя бы одно из этих правил не соблюдает достаточно большое количество субъектов, цены становятся неравновесными и нарушают системное единство индивидуальных действий рыночных субъектов, посылая искажённые сигналы о спросе и предложении.

В условиях скрытой институционально ценностной деструкции тот, кто пытается следовать правилам, чаще проигрывает, чем тот, кто их нарушает. Возникает негативное измерение конкуренции, которое приводит к ухудшению общего равновесия. Доверие падает, растут транзакционные издержки. В результате снижения эффективности возможно возникновение дефицита, который будет приводить к ещё более неравновесным ценам.

Слишком дешёвые кредитные ресурсы в прошедшие 20 лет привели к искусственному ускорению глобализации, которая не была обеспечена соответствующими структурно-институциональными сдвигами. Проблему институционального измерения пытались решить путём притеснения ценностной составляющей, чтобы люди были готовы принять любые новые правила, не оценивая их с позиций собственных ценностей. Но глобальные активы, созданные в таких условиях, без надёжных институциональных гарантий оказались очень рискованными. Естественной реакцией инвесторов в послекризисные годы стала деглобализация активов.

⁴ ФРС США игнорирует столетнее правило // <http://take-profit.org/newsreview.php?mid=21522>.

⁵ Там же.

В Украине тенденция к росту внешнего и внутреннего долга появилась во второй половине 2000-х годов, когда началась экспансия иностранного банковского капитала, сопровождавшаяся увеличением кредитных ресурсов банковской системы. Но эти ресурсы имели, в основном, внешнее происхождение и не были результатом трансформации внутренних сбережений. Одно это уже порождало серьёзную поведенческую диспропорцию между склонностью к сбережениям и склонностью к потреблению. Экономика приобрела заметный потребительский уклон, который одновременно приводил к росту внешнего долга, долга домохозяйств и стагнации национальных производителей в результате увеличения внешней конкуренции. Эта тенденция была "органически" усилена популистскими действиями государства, обусловленными текущими политическими соображениями, что порождало в условиях сужения внутреннего рынка рост дефицита бюджета, который покрывался за счёт внешних займов.

В результате экспансии потребительских кредитов сформировался мощный финансовый рычаг: доходы населения росли быстрее, чем ВВП, а потребление быстрее, чем доходы. Сложившаяся ситуация способствовала выходу потребительских ожиданий населения на траекторию крутого роста, что, в свою очередь, подталкивало спрос на потребительские кредиты. Как следствие аномально высокие темпы роста потребительских кредитов в течение 2006–2008 годов – в два раза ежегодно, то есть почти в восемь раз за период. Параллельно с этим иностранный производитель активно вытеснял с национального рынка отечественного производителя, что приводило к ухудшению платёжного баланса. В 2008–2009 годах кризис в Украине был неизбежен, даже если бы мировая экономика устойчиво возрастала.

Обратная сторона мощного финансового рычага – огромный финансовый риск. В условиях падения доходов уровень потребления обязательно будет падать сильнее, чем падают доходы и ВВП. Если бы параллельно с падением уровня потребления восстанавливались стимулы к компенсации потерь населения за счёт более активной деятельности, поиска дополнительной работы, то потери субъектности как национального ценностно-институционального ресурса были бы минимальными. К сожалению, вследствие негативных изменений в ожиданиях и настроениях, произошедших за годы экспансии потребительского кредитования, и разрушения национально производства, особенно представленного малым и средним бизнесом, потеря субъектности в отдельных сегментах домохозяйств оказалась почти необратимой. Количество субъектов, зарегистрированных в государственных органах Украины, за 2010–2014 годы сократилось на 600 тыс. Если в 2010 году на 10000 населения приходилось 477 субъектов хозяйствования, то в 2012-м только 351⁶. В том же направлении действует низкое качество общественных товаров, которые предлагает гражданам государство, – судебная защита, охрана общественного порядка, антимонопольное регулирование рынков. Периодические изменения правил под лозунгом непопулярных, но очень необходимых (кому?) реформ обесценивают институциональные основания стабильного существования субъектов, приводят к крайне низкой оценке будущих доходов (выгод) и поэтому делают невозможными любые долгосрочные планы и стратегии. Индивидуальные риски стремительно повышаются, что актуализирует древние программы выживания.

На фоне глубокого и несправедливого неравенства потеря социально-экономической субъектности означает критический уровень отчуждения человека от общества и государства, влечёт за собой возникновение

⁶ См.: Бизнесмены на Майдане // http://www.bbc.co.uk/ukrainian/mobile/ukraine_in_russian/2014/01/140127_ru_s_maidan_business.shtml.

феномена "негативной субъектности", то есть устойчиво деструктивных относительно государства моделей поведения, в том числе некоторые примитивные модели солидарного поведения. Социально-политический кризис в Украине конца 2013 года был обусловлен совокупностью причин, но никакие протесты не могли бы дать такой результат, если бы в стране за предыдущие годы не была создана "благоприятная" субъектная среда. Если украинскому обществу удастся преодолеть этот кризис без серьезных потерь, экономика всё равно ещё много лет будет страдать от низкого уровня субъектности, то есть будет неустойчивой и уязвимой к внутренним и внешним шокам.

В условиях слишком высокого уровня внутреннего и внешнего долга универсальными рецептами считаются бюджетная консолидация, финансовое оздоровление, отказ от любых дотаций. Опасность этих мер в том, что они могут спровоцировать углубление неравенства. Как свидетельствуют аналитические оценки Д.Фурчери и П.Лунжани (Furceri, Loungani, 2013), груз бюджетных сокращений распределяется в обществе очень неравномерно. Проанализировав данные 17 стран за последние 30 лет, исследователи пришли к выводу, что за сокращением дефицитов бюджета следовало усиление неравенства: через два года после консолидации бюджета коэффициент Джини увеличился на 0,2 п. п., а через восемь лет – почти на 1 п. п. (Furceri, Loungani, 2013. Р. 26). Причина этого – колоссальный убыток, нанесённый сокращением социальной помощи группам населения с низкими доходами.

Макроэкономическое оздоровление и бюджетная консолидация в Украине, направленные на обеспечение национальной конкурентоспособности, должны сопровождаться реальными и действенными мерами, предусматривающими восстановление необходимого уровня субъектности как на предприятиях, так и в домохозяйствах. Это означает, прежде всего, обязательность выбора и ответственности за его последствия, то есть эффективное распределение определённой части общественных рисков между государством, предприятиями и домохозяйствами. Эти меры должны быть направлены на повышение качества общественных благ, предлагаемых государством, стимулирование развития малого и среднего бизнеса, защита национального производителя и всяческое развитие внутреннего рынка. Только в таком случае возможна декомпозиция общей неопределённости хозяйственной системы в совокупность отдельных субъектных рисков, которая позволит системе получить необходимую устойчивость и адаптивность в условиях неопределённой или даже враждебной внешней среды.

Литература

- Бек У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция.
- Бизнесмены на Майдане // http://www.bbc.co.uk/ukrainian/mobile/ukraine_in_russian/2014/01/140127_ru_s_maidan_business.shtml
- Деягин М. (2009) Как самому победить кризис. Наука экономить, наука рисковать. Простые советы. М.: АСТ; Астрель.
- Клейнер Г.Б. (2004) Эволюция институциональных систем. М.: Наука.
- Коммонс Дж.Р. Институциональная экономика. Институциональная экономическая теория: История и методология институциональной мысли // http://www.institutional.boom.ru/history_metod/Commons.htm.
- Саммерс Л. О неравенстве // <http://elitetrader.ru/index.php?newsid=203070>.
- Унковская Т.Е., Демчук Н.И. (2013) Возможно ли экономическое чудо в Украине? // Экономика Украины. № 12. С. 4–21.
- Энциклопедия банковского дела и финансов // Политика доходов // <http://www.cofe.ru/finance/russian/15/197.HTM>.
- ФРС США игнорирует столетнее правило // <http://take-profit.org/newsreview.php?mid=21522>.

Furceri D., Loungani P. (2013) WhoLettheGiniOut? Finance&Development, December. Vol. 50. No. 4. P. 25–27.

INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE SUBJECTIVE MEASUREMENT OF AN ECONOMIC SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF NATIONAL COMPETITIVENESS

Karim Nazyrov, Oleg Iaremenko

Author affiliation:

Karim Nasyrov, Post-Graduate Student, V.M.Karazin Kharkiv National University.

Oleh Iaremenko, (jrm_rada@gmail.bank.gov.ua), Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Department of Economic Theory, State Organization "Institute for Economics and Forecasting, NAS of Ukraine" Ukraine, Kyiv.

The article systematizes the contradicting content of casual relations between the agents' market freedom and Institutional enrichment of economic systems under global transformations. The authors consider the impact of the institutional conditions of economic management on the formation of subject potential of an economic system of transformation type. The article shows the main levels of subjectivity in the economy and their connection with the functioning market mechanisms, which are the basis of efficient distribution of social risks between state, enterprises and households. The authors justify various measures to revive the use of the subject potential in Ukraine's economy, such as raising the quality of social goods provided by the state, encouraging the development of small and medium size business, protection of national producers and diverse development of the domestic market.

Key words: global transformations, competitiveness, encouraging business, protection of national producers.

JEL: A100; D810.